

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ НА ДЕТСКИХ РИСУНКАХ 1917–1918 ГОДОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ (на основе коллекции В.С. Воронова из фондов ГИМ)

Екатерина Александровна Орех^{ab*}, Ольга Юрьевна Бойцова^c

^aСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^bСоциологический Институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

^cМузей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Орех Е.А., Бойцова О.Ю. (2017) Политические акторы на детских рисунках 1917–1918 годов: социологическая рефлексия (на основе коллекции В.С. Воронова из фондов ГИМ). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(4): 185–209. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.10>

Аннотация: Статья основана на анализе коллекции детских рисунков, выполненных мальчиками — учениками младших классов московских школ в 1917–1918 гг. и переданных на хранение в фонды Государственного исторического музея преподавателем графических искусств В.С. Вороновым. В тексте представлена рефлексия о возможностях работы с рисунками как источником социологической информации на примере изучения содержания изображений с точки зрения проблематики детской политической социализации.

Иконографический анализ образов политических персонажей на детских рисунках позволяет высказать предположение о стадии политической социализации младших школьников, а также сделать выводы об источниках влияния на становление политического сознания детей. Для анализа были выбраны образы большевиков. Сначала были выявлены способы репрезентации большевиков в визуальной культуре того времени, определены их иконографические признаки, затем таким же образом были проанализированы образы большевиков, присутствующие на детских рисунках, а на следующем этапе полученные результаты сравнивались между собой. Проведенный анализ показывает, что в детском творчестве отразились стереотипы из средств визуальной пропаганды той эпохи — сатирических иллюстрированных журналов, юмористических открыток. Рисунки свидетельствуют о наличии у некоторых детей политического сознания, выражающегося в представлениях о группе «чужих» / «врагов» — эти представления можно идентифицировать благодаря одновременно присутствию в рисунках нескольких иконографических признаков с негативным значением. Наличие политического сознания позволяет нам говорить о начале процесса политической социализации у детей младшего школьного возраста в период масштабной социокультурной трансформации 1917–1918 гг. в России. Также мы продемонстрировали, что особенность политической социализации детей в условиях революции и начала гражданского противостояния состояла в снижении традиционного влияния на этот процесс семьи и школы, которое в определенной степени компенсировалось влиянием средств визуальной пропаганды.

* Автор для связи. E-mail: ek.orech@mail.ru

Ключевые слова: визуальная пропаганда, сатирический журнал, детский рисунок, политическая социализация, образ, иконографический анализ, Гражданская война в России

Столетний юбилей революционных событий и начала Гражданской войны в России дает весомый повод научному сообществу еще раз задуматься над произошедшим и ставит задачу ревизии сделанных ранее выводов и интерпретаций. Такая ревизия требует привлечения не использовавшихся ранее источников, а также разработки новых или адаптации сложившихся в рамках других дисциплин методов анализа данных. Представляется, что одним из таких новых материалов для социологической аналитики периода общественной трансформации в России 1917–1918 гг. могут стать детские рисунки. Данное утверждение может показаться довольно неожиданным, учитывая традиционный интерес к рисункам отнюдь не социологов, а психологов и педагогов (Арнхейм 2007; Дилео 2009; Ферс 2003; Matthews 2003), а также сложности с интерпретацией содержания рисунков, неизбежно встающие перед исследователем, и наконец — отсутствие традиции собирать и хранить детские рисунки в качестве материала для возможного научного анализа (Сальникова 2004).

Вообще говоря, социология периодически, хотя и крайне редко, привлекала и привлекает детские рисунки в качестве источника информации. Обычно это рисунки, выполненные здесь и сейчас «по заказу» исследователя — так, анализируется ли содержание образа Родины в сознании второклассников (Гришина, Майорова-Щеглова 2012), выясняется ли уровень политической осведомленности школьников об избирательной системе страны (Головин, Сибирёв 2001), изучаются ли стратегии освоения городской территории детьми мигрантов (Семенова 2009) — исследователь просит детей нарисовать требуемое. Анализ рисунков «по заданию» обладает своей спецификой: если исследователю известна формулировка задания, если ясно, имелся ли словесный/ визуальный шаблон для будущего изображения, то интерпретация рисунков значительно упрощается. На грамотную интерпретацию работает и возможность привлечь во внимание социальные характеристики информантов. Другое дело, когда на нас «смотрят» рисунки вековой давности. И дети, по сравнению с сегодняшним днем, росли в иных экономических и социальных условиях, и авторства, а также социальных характеристик создателя зачастую не установить, и точной формулировки задания, если оно послужило поводом для рисунка, не выяснить, и условия появления на свет рисунка тоже остаются под завесой времени... Тем не менее, такие рисунки тоже могут стать предметом социологического изучения.

Наша статья основана на анализе коллекции детских рисунков 1917–1918 гг. из фондов Государственного исторического музея. Составитель кол-

лекции — В.С. Воронов, в 1910-х гг. работавший преподавателем графических искусств в реальном училище И.И. Александрова и в мужской гимназии им. М.В. Ломоносова в Москве. В качестве дополнительного материала мы используем отрывки из детских сочинений о Великой русской революции, также собранные В.С. Вороновым в 1917 г. и опубликованные им в двух статьях в 1927 г. (Воронов 1927а; 1927б). Наш конкретный кейс представлен рисунками с выставки 2017 г. «Я рисую революцию» в ГИМ (всего 127 экспонатов) и из опубликованного в 1987 г. альбома Н.Н. Гончаровой, посвященного данной коллекции (87 изображений), а также рисунками, опубликованными на сайте Государственного исторического музея в разделе «Электронный каталог музейных предметов» (20 изображений, не попавших на выставку). Авторами рисунков были мальчики младшего школьного возраста (7–11 лет) — ученики тех учебных заведений, в которых В.С. Воронов работал педагогом. Большинство рисунков не подписано, и установить, кто рисовал, сегодня невозможно. Исходя из записок педагога, рисунки выполнялись мальчиками в домашней обстановке. Также у нас отсутствует точная информация по поводу того, как именно формулировалось задание для детей.

Рассматриваемая нами коллекция, собранная В.С. Вороновым на протяжении 1917–1918 гг., а также сохраненные им же сочинения школьников о революции уже заинтересовали исследователей из разных областей гуманитарного знания, что нашло отражение в публикациях. Так, историки отмечают, что благодаря анализу этих детских текстов источниковое поле революционной эпохи существенно расширилось. Существует выраженная специфика детского восприятия и оценивания происходящих событий, заключающаяся в непредвзятости взгляда по сравнению с тем, как это делают взрослые, которые к тому же склонны постфактум идеализировать период своего детства (Сальникова 2002). Искусствоведы находят свой интерес в изучении детских рисунков, помещая их в контекст анализа иных изображений того времени, ставя вопросы о специфике детского и взрослого выразительного языка при репрезентации некоторых тем, например, военных действий (Воронов 1927в; Лукьянов 2014; 2017). Но что в этой коллекции может быть интересно социологам?

Как нам видится, социологической проблематикой, вкладом в изучение которой может выступить анализ детских рисунков периода революции 1917 г. и первого года Гражданской войны, является изучение процесса политической социализации детей раннего школьного возраста. Интересно, что отечественные исследователи этого вопроса обходили и обходят стороной детей этой возрастной группы, концентрируясь на подростках и молодежи (Гудков, Дубин, Зоркая 2011; Кон 2003; Шестопал 2005), тогда как в западной литературе проблематика политической социализации дошкольников и младших школьников обсуждается с некоторыми перерывами в те-

чение более чем пяти последних десятилетий (Alwin, Krosnick 1991; Easton, Dennis 1969, Coles 1986, Connell 1971; Meirick, Wackman 2004; Neundorf, Niemi 2014). Отчасти это связано с национальной спецификой исследовательских интересов: в частности, актуальный для стран развитой демократии вопрос о расширении политических и гражданских прав детей в нашем обществе пока не вызывает широкого отклика.

Несмотря на разнообразие мнений, в чем заключается и чем результируется процесс политической социализации, на сегодняшний день общим местом является указание на приобретение индивидом относительно устойчивых ориентаций по отношению к сфере политики (Neundorf, Smets 2017). Также исследователи сходятся в вопросе о поэтапном характере процесса политической социализации и о том, что он начинается с детства, но придают разное значение раннему детскому возрасту в этом вопросе. Первоначально ранние исследования политической социализации исходили из тезиса о социализации как процессе, имеющем накопительный характер, и идеи о том, что установки, приобретаемые в детском возрасте, составляют некую нерушимую базу для предпочтений, приобретаемых в более позднее время (Easton, Dennis 1969). Затем эту идею критиковали, выдвинув в качестве альтернативы гипотезу о том, что под влиянием обстоятельств человек способен адаптировать, изменять, «перезагружать» свои установки: таким образом, чем человек моложе, тем менее устойчивыми являются его политические ориентации (Alwin, Krosnick 1991). Маленькие дети с неизбежностью приобретают информацию о политиках и государственных институтах, о политическом поведении и даже могут получить первый опыт политического участия вместе с родителями. Ряд исследований фиксирует формирование политических мнений и собственных предпочтений у детей младшего школьного возраста (Coles 1986). Однако о значимости этих политических установок для последующей жизни, об их устойчивости идут дискуссии.

Далее ученые сместили фокус внимания на поиск некоего возрастного порога, после прохождения которого можно было бы говорить о формировании устойчивых установок по отношению к политическим вопросам. Исследователи сходятся в том, что этот возраст находится на границе между детскими и юношескими годами, но по-разному понимают эти границы (Neundorf, Niemi 2014; Van Deth, Abendschön, Vollmar 2011).

Между тем на рубеже веков у ученых появилась идея о необходимости пересмотра имеющихся результатов исследований политической социализации в связи с процессами глобализации, а также масштабными социокультурными, экономическими и политическими преобразованиями современного мира (Abendschön 2015; Van Deth, Abendschön, Vollmar 2011). Предполагается, что контекст развития современного человека (и ребенка) неизбежно влияет и на процесс политической социализации, в частности, расширяя в обе сторо-

ны границы его начала и окончания. Параллельно исследователи развивают идею зависимости процесса политической социализации и интернализации политических установок от специфического локального социального и политического контекста, в котором находится человек. В этом отношении в некоторых странах в определенные временные периоды социализация человека в сфере политики может идти интенсивнее, начинаться раньше (или же наоборот) (Шестопал 2005; Bar-Tal, Diamond, Nasie 2017; Oberhauser 2002).

Таким образом, вопрос о периоде формирования устойчивых политических ориентаций на сегодняшний день остается открытым. Исследователи тем временем продолжают изучать детей раннего школьного возраста и констатируют наличие у них структурированных политических представлений (Abendschön, Tausendpfund 2017) и политической идентичности (Alon-Tirosh, Nadar-Shoval 2016). Отдельным вопросом является изучение вариативности прохождения политической социализации в зависимости от социально-исторического и политического контекста. Например, интересно прояснить, как именно происходит и в чем содержательно выражается политическая социализация во время масштабных социальных преобразований. К этой группе можно отнести и наше исследование. Мы попытаемся проанализировать становление политической социализации у детей в период столетней давности. Ответ на вопрос, корректно ли говорить о начале процесса политической социализации у младших школьников в России того времени, как мы рассчитываем, может внести лепту в обсуждение факторов, влияющих на этот процесс.

Помимо прочего, на протяжении всего периода изучения политической социализации была и остается актуальной дискуссия о ее агентах. Предположения о высокой роли семьи в этом процессе (Easton, Dennis 1969; Pettifor 2012) сменялись выводами о преувеличении влияния этого фактора (Connell 1972; Coles 1986), анализом роли факторов, действующих параллельно (Abendschön 2015; Ojedaa, Hatemia 2015; Verhulst, Eaves, Hatemi 2012). Рассматриваемая нами коллекция детских рисунков выступает свидетельством эпохи грандиозной общественной трансформации. Период социальных изменений общества предположительно характеризуется уменьшением или даже нивелированием роли традиционных институтов политической социализации — семьи, образовательных учреждений. И действительно, из опубликованных детских воспоминаний, а также отрывков из сочинений на тему революционных событий (Воронов 1927а; Воронов 1927б; Дети русской эмиграции 1997; Дети эмиграции 2001) нам известно, что взрослые из ближайшего окружения ребенка зачастую не были готовы отвечать на вопросы о том, что происходит вокруг, что такое революция и т. п. Из этих же и других источников известно, что в 1917 г. дети часто пропускали школьные занятия, при этом присутствовали на митингах, вместе с революционными

солдатами искали и арестовывали городовых, раздавали листовки (Аксенов 2002; Балашов 1999). Научные статьи тех лет фиксировали множественные факты непосредственного участия детей в разного рода политических акциях и мероприятиях (Познанский 1923; Р.Г. 1917). Соответственно, при падении влияния семьи и школы должно было бы возрастать значение иных агентов социализации, например, средств массовой информации. Но так ли это? И какие именно источники информации могли оказывать влияние на детей? Ответить на этот вопрос мы также попытаемся в этой статье.

Как же нам могут помочь детские рисунки и каковы сложности, возникающие на пути работы с этими визуальными свидетельствами? Выразительный язык детского рисунка дает информацию, которая в некоторых случаях лучше словесной может объяснить исследователю, что именно в изучаемый период времени оказало сильное влияние на ребенка, что он смог почерпнуть и усвоить из происходившего на его глазах и при его участии (Matthews 2003).

Вообще обращение к рисункам, их интерпретация и анализ будут оправданы в случаях, когда коммуникация с информантом невозможна или затруднена. Даже если бы мы не рассматривали период столетней давности, стоило бы учесть трудности и невысокую продуктивность коммуникации с людьми, которым, в силу разных причин, тяжело или невозможно описать свой жизненный опыт в рамках обычного интервью. В зависимости от исследуемой проблематики в роли этих людей могут выступать и маленькие дети, и мигранты, недостаточно хорошо владеющие языком страны проживания, и люди, имеющие проблемы со здоровьем, — которым в силу постоянных или временных причин трудно разговаривать, наконец, люди, которым тяжело дается выражение своих мыслей из-за особенностей характера. При этом особенно плодотворным может быть результат обращения к рисованным визуальным свидетельствам, если информантом является человек, недавно оказавшийся в ситуации перемен: «примеривший» на себя новую социальную роль, изменивший место жительства или работы. Чувствительность взгляда такого человека, недавно «выпавшего» из контекста привычного существования, возрастает: он имеет возможность мысленно сопоставить прошлый опыт с настоящим и в результате сравнения обратить внимание на важные моменты.

У нас уже нет возможности опросить участников тех революционных событий. Однако даже если бы такая возможность была, специфика темы исследования накладывала бы на интервью ряд существенных ограничений. Детская политическая социализация — одна из тем, о которых, в силу возраста исследуемых (одним из следствий возрастной специфики выступает (не)владение специфическими терминами политического дискурса) трудно спрашивать информанта, а еще труднее — грамотно оценить ответ. Чтобы «вытащить» информацию с помощью наводящих вопросов, исследователь должен уже до

интервью иметь сформированное представление о предмете исследования — но в этом случае ему едва ли удастся получить в ходе интервью новое знание.

Анализ рисованных свидетельств дает возможность избежать ограничений, накладываемых спецификой интервью на данную тему. Однако перед исследователем встает непростой вопрос о том, что именно нужно обнаружить (или напротив, не обнаружить) на изображениях, чтобы делать выводы о политической социализации. В течение драматического 1917 г., вместившего Великую русскую революцию, начало гражданского противостояния, партийную агитацию и пропаганду, ребенок получал обширнейший пласт данных и фактов, включавший информацию о крушении монархии и смене власти, о выборах в Учредительное собрание, о политических партиях и их программах. Ребенок мог пытаться графически изобразить разные темы, касающиеся событий тех лет, но это не значит, что он понял и усвоил полученную информацию. В ответе на наш вопрос поможет предельная конкретизация исходного понятия «политическая социализация», а также содержание понятия «политического».

Руководствуясь нашей исследовательской задачей, при которой предполагается возможным обнаружить следы политической социализации в визуальных артефактах, мы будем ориентироваться на обращение к социологическим теориям повседневности и концепту обыденного знания, а также к идеям социального конструкционизма П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман 1995). При этом необходимо определение, дающее возможность операционализации его составляющих. В соответствии с этим мы предлагаем рассматривать политическую социализацию как процесс формирования у индивида собственного политического сознания, лежащего в основе политических ориентаций и поведения, отношения к власти, отношения к участию в управлении и т. д.*

Чтобы обнаружить проявления политического сознания на детских рисунках, мы будем отталкиваться от теории, описавшей особенности формирования представлений о событиях, явлениях, персонажах в рамках повседневного мышления. А. Шюц описывает его как процесс приобретения типичного знания: выделения основных характеристик, обобщения, отбрасывания лишнего (Шюц 2004). Человек оперирует в повседневной жизни типом — упрощенным видением предмета, явления, процесса. Если у ребенка сформировались представления о содержательных характеристиках тех

* Считаем, что тема нашей статьи не предполагает подробного рассмотрения широкой научной дискуссии по вопросу о возможностях дефиниции понятия «политическая социализация». Скажем лишь, что эта проблема не имеет однозначного решения, а обзор научных вопросов, достоинств и недостатков тех или иных вариантов определения см. в: (Щеглов 2007).

или иных социальных групп, произошла диверсификация этих групп в сознании, то, рисуя, ребенок должен изображать их представителей отличающимися друг от друга. При этом не важно, как в реальности выглядели представители различных политических партий: если в обыденном взаимодействии они были не сильно различимы внешне, то ситуации, в которых ребенок сталкивался с ними, накладывали на формирование типичных представлений об этих социальных группах свои особенности. Иными словами, если ребенок по заданию учителя рисует большевика, меньшевика, эсера и изображает их идентично друг другу, то, скорее всего, его представления об упомянутых политических объединениях отсутствуют или носят поверхностный, бессодержательный характер. Наделение же, к примеру, «большевика», по сравнению с остальными представителями партий, конкретной одеждой и оружием, прочими атрибутами, не говоря уже о характерной мимике, будет свидетельствовать, что ребенок его визуально идентифицирует, что у него имеются в определенной степени сформировавшиеся представления об этом субъекте политического процесса.

Рисуя, ребенок, несомненно, не сам придумывает характерные типичные черты, элементы образа представителей социальных групп. Он их заимствует из визуальных стереотипов, которые видит в изображениях вокруг себя. В визуальной культуре того времени существовали (или же, применительно к некоторым группам, только формировались) устойчивые образы с набором характерных деталей для репрезентации социальных характеристик людей. Благодаря циркуляции этих стереотипных образов в средствах визуальной пропаганды и массовой информации можно предположить, что дети были знакомы с ними. При всей индивидуальной выразительности детского рисунка он может содержать стереотипные характерные черты, заимствованные из тех или иных визуальных источников, в том числе, визуальной пропаганды того времени. Важно отметить, что дети могут использовать не все черты стереотипного образа, а только некоторые: те, которые позволяет «прочитать» и понять их собственный уровень визуальной грамотности, позволяющий делать выводы о том, что именно изображено и как изображенное оценивается.

Известный теоретик К. Шмитт* определял «политическое» не как определенную сферу деятельности, а как наличие в конкретной ситуации раз-

* Теоретическое наследие К. Шмитта до сих пор остается актуальной темой отечественной научной дискуссии (Михайловский 2008; Савин 2015; Филиппов 2000), вызывает острую полемику по сей день (Mouffe 2005). Однако вышеупомянутая дискуссия лежит в несколько иной плоскости, нежели проблематика нашего исследования, для нужд которого мы используем лишь идею Шмитта о том, как можно было бы определить «политическое».

граничения людей на группы по признаку «свои — чужие». Ситуация становится «политической», если участвующие в ней люди видят себя и оценивают других через категории «свои — чужие», в предельном выражении — «своих» как «друзей», «чужих» как «врагов»* (Шмитт 1992), а как только это разделение людей на группы нивелируется, исчезает и политическая подоплека ситуации. Если взять за основу эти рассуждения Шмитта, то визуализация ребенком представителей социальных групп как «своих», равно как и маркирование их как «чужих» может рассматриваться в качестве индикатора политического сознания.

Таким образом, мы будем искать на детских рисунках наличие стереотипных (фиксируемых с помощью иконографических методов анализа) черт в визуальных образах представителей тех или иных социальных групп, а также эмоциональные оценки, свидетельствующие о разграничении юным художником этих групп на «своих» и «чужих». В имеющейся у нас коллекции рисунков речь идет об образах членов политических партий («большевики», «меньшевики», «эсеры...»), о репрезентациях конфликтующих социальных групп («юнкера», «красногвардейцы», «буржуи» и т. п.). Выделение типичных черт, приписываемых юными художниками тем или иным группам людей, подразумевает, что мы анализируем всю коллекцию рисунков как единый кейс, несмотря на (возможно) разнородное социальное происхождение ее авторов.

Между тем этот момент нуждается в дополнительных комментариях. Как исследователи, мы отдаем себе отчет в том, что, к сожалению, отсутствие полноценной информации об авторах рисунков не позволяет нам рассмотреть различия в складывающемся политическом сознании внутри анализируемой возрастной группы мальчиков. Еще более важным является то, что за границами нашего анализа остаются широкие слои детей, не имевших возможности посещать учебные заведения. Понимая, что восприятие детерминировано социальной позицией ребенка**, мы вынуждены констатиро-

* «Все политические понятия, представления и слова имеют полемический смысл, они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации, последнее следствие которой есть (находящее выражение в войне или революции) разделение на группы “друг-враг”, и они становятся пустой и призрачной абстракцией, если эта ситуация исчезает» (Шмитт 1992).

** О различиях в визуализации информации, зависящих от социальной позиции ребенка, см. данные экспериментов социального психолога Дж. Брунера. Анализируя размер монет, нарисованных детьми по его заданию, Брунер выявил следующую закономерность: чем большую ценность ребенок приписывает какому-то предмету (в случае эксперимента — монетам разных достоинств), тем большей ему представляется величина этого предмета и тем крупнее этот

вать, что социальное происхождение (ученики гимназии и реального училища), место жительства (Москва) и пол (мальчики) детей, чьи рисунки попали в поле нашего внимания, едва ли позволяют нам экстраполировать полученные выводы на другие группы младших школьников.

Самая большая проблема анализа — грамотная интерпретация содержания рисунка, которая невозможна без понимания и учета специфики этого визуального документа. Детские рисунки отличны от рисунков, выполненных взрослыми; интерпретация невозможна без внимания к таким деталям, как возраст ребенка, его багаж знаний, в том числе социальных, стадия развития его выразительных и изобразительных способностей, характерное для этого возраста восприятие (Арнхейм 2007; Осорина 2010). Для работы с рисунками мы применили метод иконографического анализа.

В современных визуальных исследованиях, проводимых с помощью иконографического метода, производится сравнение анализируемого визуального источника с другими, содержащими те же сюжеты, с целью выявления повторяющихся черт или атрибутов — иконографических признаков, подобно тому, как это делал основатель иконографии как научного метода Эрвин Панофский (Панофский 1999). Для сравнения с детскими рисунками мы использовали сплошную выборку карикатур из сатирических журналов «Барабан», «Бич», «Будильник», «Новый сатирик», «Пугач», «Стрекоза», «Трепач» за 1917 г. (о них см.: (Филиппова 2015)), а также серии юмористических открыток художников С. Куценко, Е.Г. Соколова, В.А. Табурина и др. 1910-х гг. на политические темы.

При публикации рисунков из коллекции В.С. Воронова создатели альбома (Гончарова 1987) и выставки (Лукьянов 2017) систематизировали материал, группируя рисунки тематически, и, в частности, выделили группу рисунков, содержащую изображения политических субъектов; Н.Н. Гончарова назвала их «образы революционной эпохи». Эти рисунки и стали минивыборкой для нашего исследования. Среди них есть изображения членов партий: большевик, меньшевик, кадет, эсер. О том, кто изображен на детском рисунке, мы судим исключительно из подписи ребенка-художника к нему. Несмотря на наличие идентифицирующей подписи, важно понимать, что ребенок мог не иметь сложившихся представлений об отличительных особенностях членов той или иной партии как социальной группы, а рисовать их, следуя заданию учителя. Соответственно, в этом случае, визуализируя большевика, ребенок не стал бы наделять его специфическими отличительными признаками. Иконографический анализ детских рисунков может по-

предмет изображается. Дети из бедных семей были склонны к преувеличению размера монеты в большей степени, чем дети из обеспеченных семей (Брунер 2008).

казать, существовали ли в сознании детей устойчивые визуальные черты, связанные с представителями партий. Проанализируем репрезентации большевиков в соотношении с образами членов других политических объединений.

Визуальный ряд сатирических журналов 1917 г. свидетельствует о том, что в культуре того времени не было единого визуального стереотипа большевика, т. е. внешних признаков, которые были бы прочно связаны с членами этой партии: большевиков изображали в рабочих блузах навыпуск и костюмах, сапогах и ботинках, с длинными и короткими волосами, с усами, бородой и выбритыми, в очках и без очков, в шляпе, картузе и без головного убора, даже с часами на цепочке. Тем не менее, некоторые издания могли выработать свой собственный вариант репрезентации большевика: журнал «Стрекоза» в 1917 г. изображал анархистов и большевиков одинаково с атрибутами разбойников (широкополая шляпа с пером, наброшенный на плечи плащ, кинжал). Таким образом, в рамках отдельного издания можно говорить о наличии повторяющихся от изображения к изображению черт и деталей, характерных именно для этой политической партии, т. е. о наборе иконографических признаков в изображении большевиков.

«Большевики» на детских рисунках тоже поражают разнообразием своих визуальных типов: среди них есть матросы, солдаты в шинелях и папахах или гимнастерках и фуражках, люди в гражданской одежде, как хорошей, так и залатанной, нарядно одетая женщина. Однако в некоторых рисунках также встречаются отличительные признаки, которые можно назвать иконографическими — свойственными визуальному стереотипу большевика у детей — авторов рисунков. Среди признаков большевиков, которые встречаются неоднократно, следует назвать вооружение, курение, относительный размер персонажа и заплатки на одежде.

Характерным отличительным признаком большевиков на проанализированных детских рисунках является вооружение, иногда — избыточное: большевики могут иметь не один, а два револьвера или даже демонстрировать стрельбу из двух рук одновременно (рис. 1).

Там, где один и тот же ребенок изображает большевика и меньшевика или большевика и эсера, зачастую отличие между ними заключается в том, что большевик вооружен, а меньшевик или эсер нет.

Признак избыточного вооружения мог быть позаимствован ребенком из сатирических журналов того времени, в которых большевики нередко изображались вооруженными до зубов (Аксенов 2017: 12). Избыточное вооружение высмеивалось как признак левизны. На рисунке Ре-ми, опубликованном на с. 10 «Нового сатирикона» № 20 за 1917 г., один анархист — обладатель двух револьверов — говорит другому: «— А я еще левее тебя!.. — Почему? — У меня одним револьвером больше!». Отметим, что наличие

у большевика на детском рисунке избыточного вооружения не дает нам оснований говорить о том, что юный художник относится к большевику позитивно или негативно.

Другим отличительным признаком большевиков в изображении детей выступает размер персонажа. Большевик визуально представлен выше и крупнее меньшевика. В визуальной культуре тех лет репрезентация боль-

Рис. 1

шевизма через размер встречается в серии открыток «Дети-политики» В.А. Табурина 1910-х гг.: на одной из открыток мы видим фигуры «большевика» и «меньшевика», и размер второй фигуры в несколько раз меньше, чем первой. В карикатуре Н. Николаевского, опубликованной в «Биче» за 1917 г. (№ 23 на с. 7), большевик противопоставлен своей величиной обывателю, а в анонимной карикатуре из журнала «Пугач» за 1917 г. (№ 8 на с. 7), названной «В буквальном смысле», высокая женщина говорит мужчине маленького роста: «И ты еще спрашиваешь, на кого я тебя променяла! Ну, разумеется, на “большевика”!» Таким образом, дети могли прийти к идее передать политические различия через размер как самостоятельно, так и под влиянием уже существовавшей к тому времени шутки (рис. 2).

Такой иконографический признак, как сравнительно более крупный размер фигуры большевика, также не позволяет нам судить о позитивном или негативном отношении ребенка к своему персонажу. На первый взгляд, можно было бы приписать большему размеру положительную коннотацию, однако это будет не обосновано. Если обратиться к значению размера фигуры в упомянутых примерах — открытках и карикатурах — то персонажи, наделяемые большим размером, рассматриваются по-разному: и нейтрально, и негативно, и позитивно.

Еще одним отличительным признаком большевиков, неоднократно использованным детьми в рисунках, являются заплатки на одежде (яркого цвета, чтобы их было хорошо видно). Отметим, что в визуальной культуре того времени заплатки используются в сниженных и карикатурных образах пролетариев и большевиков (например, карикатура в № 29 «Стрекозы» за 1917 г. на с. 10, на обложке «Стрекозы» № 38 за 1917 г. или открытка художника Е.Г. Соколова «Пролетарий») и не используются самими большевиками в визуальной пропаганде как собственный признак. Именно поэтому, на наш взгляд, на детских рисунках заплатки в образах большевиков выступают маркером отрицательного к ним отношения, указанием на негативно маркируемую бедность персонажа.

Последним из обнаруженных нами отличительных признаков большевиков в детских рисунках является курение. Надо сказать, что хотя курение было широко распространено в России в конце XIX — начале XX в. (Богданов 2007), репрезентация курения не обязательно была нейтральной и могла иметь разные коннотации: одно дело курить, а другое — быть запечатленным курящим или намеренно изобразить этот процесс. Так, хотя Александр III курил, до нас дошло очень мало семейных снимков курящего императора (Зимин 2011), а президент США Уильям Мак-Кинли (1897–1901) отказался фотографироваться с сигарой (Starr 1984). В сатирических журналах 1917 г. изображение дымящейся папиросы наряду с бутылкой спиртного и кульком семечек используется для высмеивания плохой дисциплины в ар-

мии и низкого культурного уровня персонажей. Здесь следует иметь в виду, что в России до марта 1917 г. солдатам и матросам было запрещено курить на улице. Вид курящих на улице солдат и матросов после отмены запрета в 1917 г. был непривычным и мог вызывать неоднозначную реакцию. На

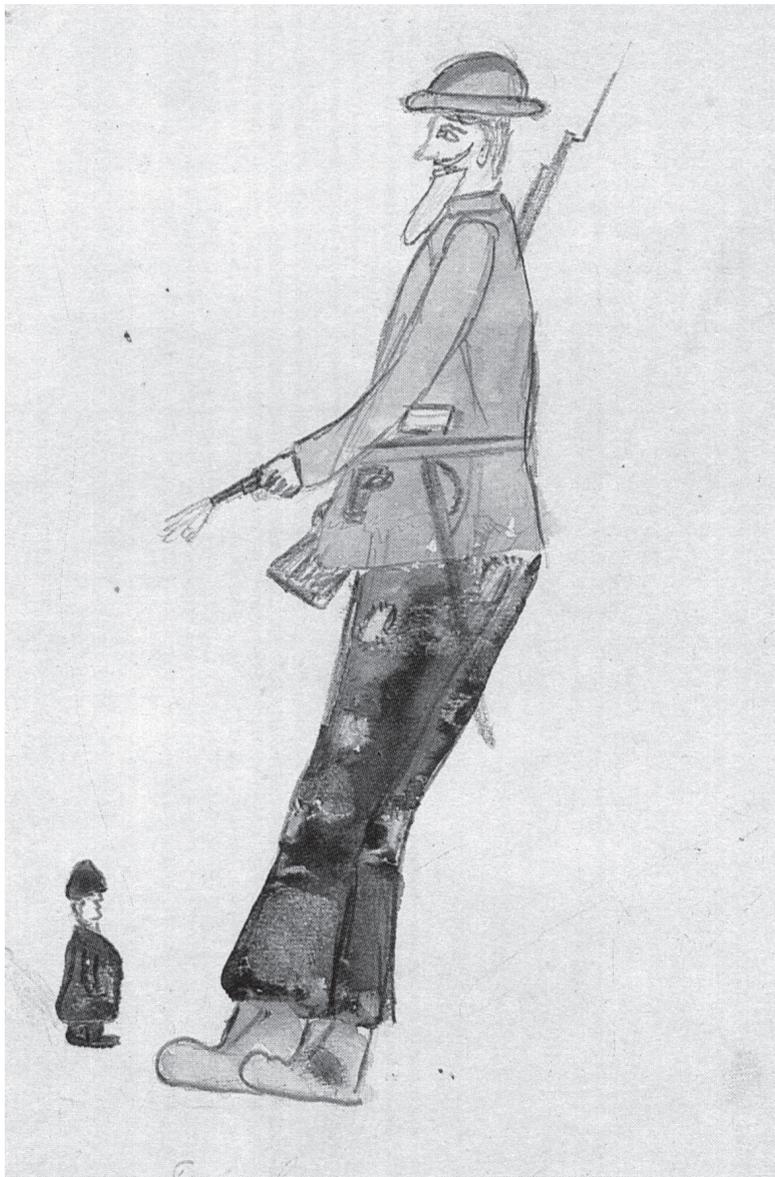

Рис. 2

проанализированных нами детских рисунках 1917 г. курят именно те большевики, которые одеты в форму солдат и матросов. Чтобы понять значение этого признака, обратим внимание на выполненный в 1918 г. рисунок мальчика Тумакова, сатирически изображающий «Единую трудовую школу». На рисунке один из учеников курит прямо в школе, в то время как другой, держа в руке красный флаг, бросает мусор из окна. Здесь пририсовывание персонажу дымящейся папиросы является иконографическим способом передать свое негативное отношение к нему. Возможно, таковым же оно является у других юных художников, давших нарисованным ими большевикам в военной и матросской форме папиросы и трубки. Однако может быть и так, что папироса или трубка включается ребенком в образ большевика как яркая деталь, которая не имеет в глазах юного художника негативной коннотации, а является нейтральным иконографическим атрибутом, который обращает на себя внимание детей после Февральской революции*.

В некоторых случаях можно говорить о непосредственном влиянии образов в сатирических журналах на детские рисунки. Так, нам удалось обнаружить источник карикатуры, нарисованной одним из учеников В.С. Воронова, А. Константиновым. Ребенок-автор очень точно перерисовал карикатуру, опубликованную в «Стрекозе» № 29 за 1917 г., изменив только подпись. Тот же А. Константинов выполнил рисунок «Большевик идет на митинг», где использовал такие отличительные визуальные признаки большевика, как заплаты на одежде и большую широкополую шляпу. Даже если у этого рисунка, в отличие от описанной выше карикатуры, не было источника, с которого автор непосредственно срисовывал, — мы уже знаем, что художник был знаком с визуальным языком «Стрекозы», сатирического журнала, где широкополые шляпы, отсылавшие к разбойникам, и заплаты входили в число признаков «большевиков» / «анархистов».

Таким образом, мы видим, что карикатуры в сатирических журналах могли оказывать непосредственное влияние на политические образы у детей. Даже если дети не читали журналы, ориентированные на взрослую аудиторию, они вполне могли смотреть в них картинки, и наш анализ свидетельствует, что они это делали. Авторы рисунков усвоили и воспроизвели некоторые стереотипные черты в изображении большевиков, транслировавшиеся в визуальной культуре того времени. Таким образом, мы отвечаем на вопрос о возможных источниках влияния на становление политического сознания ребенка.

* Ср. папиросу во рту одного из трех красногвардейцев на фотографии Я. Штейнберга 1917 г. «Пикет красногвардейцев Путиловской боевой дружины во дворе Смольного» или трубку у красноармейца на советском плакате неизвестного художника «Все на борьбу с топливным голодом» (1919–1920 гг.).

Рассмотренные нами четыре иконографических признака большевиков на детских рисунках позволяют судить о том, что дети идентифицировали большевиков как представителей конкретной социальной группы. Как же можно проинтерпретировать отношение ребенка к нарисованному персонажу? Вышеописанные иконографические признаки, взятые сами по себе, не могут трактоваться как выражающие позитивное или негативное отношение автора рисунка (может быть, за исключением заплата на одежде). Лишь в совокупности и с учетом иных деталей изображения они дадут нам информацию о мнении ребенка. Так, юный художник Никитин дает дымящиеся папиросы «красногвардейцу» и «большевику» (при этом «красногвардеец», как и «большевик», изображен с массивной нижней челюстью, низким лбом и заплатами на одежде, а также с большим красным носом). Мы можем сделать вывод, что курение в данном случае усиливает негативную коннотацию изображения, складывающуюся из визуальных деталей, маркирующих употребление алкоголя, невысокий интеллект, бедность, и что отношение мальчика к изображенным персонажам — отрицательное (рис. 3).

Детские рисунки, в отличие от плакатов и рекламы, не всегда позволяют определить, «за кого» ребенок, на чьей он стороне, но проведенный нами анализ показал, что в отдельных случаях можно с уверенностью судить о том, «против кого» ребенок. В ряде рисунков дети выражали свое отношение к большевикам, в нашем случае негативное, наделяя персонажей совокупностью черт, смысловое значение которых — низкий культурный уровень, негативно маркированная бедность, агрессия, алкоголизм, низкий уровень интеллекта. Тем самым большевики определялись детьми как «чужие», «враги». Это позволяет нам делать выводы о формировании политического сознания у некоторых младших школьников в рассматриваемый нами период 1917–1918 гг. и констатировать, что процесс политической социализации этих детей на тот момент уже начался, причем речь идет отнюдь не о «подготовительной» его стадии.

Мы предполагаем, что к моменту получения задания от учителя некоторые дети уже имели сложившиеся представления о большевиках, поэтому при выполнении рисунка, выделяя членов этой партии из остальных людей, снабжали их иконографическими признаками большевиков, заимствованными из визуальной культуры того времени. Мы не можем установить точно все источники формирования образа большевика в сознании ребенка, но предполагаем, что визуальная пропаганда, в том числе, могла оказывать определенное влияние на формирование детских оценок политических субъектов. В некоторых рассмотренных нами рисунках большевики наделялись иконографическими признаками отрицательных типов, что соответствовало лейтмотивному представлению о большевиках, сложившемуся

в сатирической визуальной культуре того времени. Таким образом, использование в качестве источника информации детского графического текста дает определенные возможности в работе над проблематикой политической социализации.

Рис. 3

Выражение благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-83-01003 «Гражданская война в России в образах визуальной пропаганды: словарь-справочник».

Литература

Аксенов В. (2002) *Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году*: Дисс. ... канд. ист. наук. М.

Аксенов В. (2017) Журнальная карикатура как зеркало общественных настроений в 1917 году. *Вестник ТвГУ. Серия «История»*, 1: 4–16.

Арнхейм Р. (2007) *Искусство и визуальное восприятие*. М.: Архитектура.

Балашов Е.М. (1999) Российские революции и школьник. *Историк и революция*: сб. статей. СПб.: Дмитрий Буланин: 61–68.

Бергер П., Лукман Т. (1995) *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Academia-Центр; Медиум.

Богданов И. (2007) *Дым отечества, или Краткая история табакокурения*. М.: Новое литературное обозрение.

Брунер Дж. (2008) *Психология познания. За пределами непосредственной информации*. М.: Директмедиа Паблишинг.

Воронов В.С. (2014) *Война в рисунках детей*. М.: ГИМ.

Воронов В. (1927а) Октябрьская революция в детских записях. *Вестник просвещения*, 12: 3–12.

Воронов В. (1927б) Февральская революция в детских записях. *Вестник просвещения*, 3: 3–11.

Воронов В. (1927в) Февральская революция в детских рисунках. Рукопись статьи. ВМДПНИ. Отдел рукописей и научной документации. Фонд № 4. КП 23249/505.

Головин Н.А., Сибирёв В.А. (2001) Дети и выборы в Государственную Думу: о формировании базовых политических установок. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4: 118–134.

Гончарова Н.Н. (сост.) (1987) *Москва. 1917 год. Рисунки детей — очевидцев событий. Из коллекции Государственного исторического музея*. М.: Советская Россия.

Гришина Е.А., Майорова-Щеглова С.Н. (2012) Визуальный образ Родины: опыт социологического сравнения иллюстраций учебников и детских рисунков. *Педагогическая диагностика*, 6: 95–105.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. (2011) *Молодежь России*. М.: Московская школа политических исследований.

Данилов С.В. (2012) *Политическая социализация школьника*. Ульяновск: УИПКПРО.

Дети русской эмиграции. (1997) М.: Терра.

Дети эмиграции: Воспоминания. (2001) Сб. статей. М.: Аграф.

Дилео Дж. (2009) *Детский рисунок: диагностика и интерпретация*. М.: Апрель Пресс, Психотерапия.

Дилигенский Г.Г. (1994) *Социально-политическая психология*. М.: Наука.

Зимин И.В. (2011) *Взрослый мир императорских резиденций, вторая четверть XIX — начало XX в.: повседневная жизнь российского императорского двора*. М.; СПб: Центрполиграф Русская тройка-СПб.

Кон И.С. (2003) *Ребенок и общество*. М.: Академия.

Лукьянов Е. (2014) Василий Сергеевич Воронов и его коллекция детских «военных» рисунков. Воронов В.С. *Война в рисунках детей*. М.: ГИМ: 3–8.

Лукьянов Е. (2017) Революция для самых маленьких: Митинги, очереди и бои на московских улицах в рисунках и воспоминаниях школьников 1917 года. *Лекции образовательного проекта Арзамас* [<http://arzamas.academy/materials/1262>] (дата обращения: 25.10.17).

Михайловский А.В. (2008) Борьба за Карла Шмитта. К рецепции и актуальности понятия политического. *Вопросы философии*, 9: 158–171.

Осорина М.В. (2010) Рисованные истории в изобразительном творчестве детей и их зрительском опыте. *Русский комикс: сб. статей*. М.: Новое литературное обозрение: 107–170.

Пановский Э. (1999) Иконография и иконология: введение в изучение искусства Ренессанса. Пановский Э. *Смысл и толкование изобразительного искусства*. СПб.: Академический проект: 43–57.

Познанский Н. (1923) Революция и дети. *Вестник просвещения*, 1: 116–128.

Петрушева Л. (1997) «Все, что придется пережить, будет ничтожно по сравнению с пережитым». Школьные сочинения 1923–1924 гг. *Источник*, 4: 13–33.

Р.Г. (1917) Из жизни средней школы. *Вестник воспитания*, 8–9: 23–54.

Савин Н. (2015) Порывая с Карлом Шмиттом: понятие политического в теории агонистического плюрализма. *Логос*, 25(6): 163–179.

Сальникова А. (2002) «Геенна огненная»: детское восприятие раннего советского периода. *Ab Imperio*, 3: 322–352.

Сальникова А. (2004) «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф». *Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии*. Челябинск: 413–430.

Семенова В. (2009) Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу. *Визуальная антропология: городские карты памяти*. М.: ЦСПГИ: 67–81.

Ферс Г. (2003) Опорные элементы в трактовке рисунка. Ферс Г. *Тайный мир рисунка. Исцеление через искусство*. СПб.: Деметра: 55–123.

Филиппов А.Ф. (2000) Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа. Шмитт К. *Политическая теология*. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле: 259–314.

Филиппова Т.А. (2015) «Враг внутренний» — «враг внешний». Образы революции 1917 г. в русской сатирической журналистике. *Российская история*, 6: 90–98.

Шестопал Е.Б. (1988) *Личность и политика: критический очерк современных западных концепций политической социализации*. М.: Мысль.

Шестопад Е.Б. (2005) Политическая социализация и ресоциализация в современной России. *Полития*, 4: 48–69.

Шмитт К. (1992) Понятие политического. *Вопросы социологии*, 1(1): 37–67.

Щеглов И.А. (2007) *Политическая социализация. Теория и методология проблемы*. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Шюц А. (2004) *Избранное: мир, светящийся смыслом*. М.: РОССПЭН.

Abendschön S. (2015) Children's political learning in primary school — evidence from Germany. *Education 3–13*, 45(4): 450–461. DOI: 10.1080/03004279.2015.1115115.

Abendschön S., Tausendpfund M. (2017) Political Knowledge of Children and the Role of Sociostructural Factors. *American Behavioral Scientist*, 61(2): 204–221. DOI: 10.1177/0002764216689122.

Alon-Tirosh M., Hadar-Shoval D. (2016) Leadership and identity politics on the eve of the Israeli 2015 elections: children's perspectives. *Israel Affairs*, 22(3–4): 697–710, DOI: 10.1080/13537121.2016.1174372.

Alwin D.F., Krosnick J.A. (1991) Aging, Cohorts and the Stability of Sociopolitical Orientations over the Life Span. *American Journal of Sociology*, 97(1): 169–195.

Bar-Tal D., Diamond A.H., Nasie M. (2017) Political socialization of young children in intractable conflicts: Conception and evidence. *International Journal of Behavioral Development*, 41(3): 415–425. DOI: 10.1177/0165025416652508.

Coles R. (1986) *The Political Life of Children*. Boston: Atlantic Monthly Press.

Connell R.W. (1971) *The Child's Construction of Politics*. Melbourne: Melbourne University Press.

Connell R.W. (1972) Political socialisation in the American family: The evidence re-examined. *The Public Opinion Quarterly*, 36(3): 323–333.

Easton D., Dennis J. (1969) *Children and the Political System*. New York: Wiley.

Matthews J. (2003) *Drawing and Painting: Children and visual representation*. L.: Sage.

Meirick P.C., Wackman D.B. (2004) Kids voting and political knowledge: Narrowing gaps, informing votes. *Social Science Quarterly*, 85(5): 1161–1177.

Mouffe C. (2005) *On the Political*. L.; New York: Routledge.

Neundorf A., Niemi R. (2014) Beyond political socialization: New approaches in age, period, cohort analysis. *Electoral Studies*, 33(1): 1–6. DOI: 10.1016/j.electstud.2013.06.012.

Neundorf A., Smets K. (2017) Political Socialization: The making of citizens. *Oxford Handbooks Online*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935307.013.98.

Oberhauser T. (2002) *Politische Sozialisation in der BRD und DDR — ein Vergleich*. München: GRIN Verlag.

Ojedaa C., Hatemia P.K. (2015) Accounting for the Child in the Transmission of Party Identification. *American Sociological Review*, 80(6): 1150–1174. DOI: 10.1177/0003122415606101.

Pettifor H. (2012) Do parents affect the early political prioritisation of nature in their children? *ISER Working Paper Series*, 2012-11.

Starr M.E. (1984) The Marlboro man: Cigarette smoking and masculinity in America. *Journal of Popular Culture*, 17(4): 45–57.

Van Deth J.W., Abendschön S., Vollmar M. (2011) Children and politics: An empirical reassessment of early political socialization. *Political Psychology*, 32(1): 147–174. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2010.00798.x.

Verhulst B., Eaves L.J., Hatemi P.K. (2012) Correlation not Causation: The Relationship between Personality Traits and Political Ideologies. *American Journal of Political Science*, 56(1): 34–51. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2011.00568.x.

**POLITICAL ACTORS IN CHILDREN'S DRAWINGS
OF 1917–1918: SOCIOLOGICAL REFLECTION
(Based on Vasily Voronov's collections
from the State Historical Museum)**

Ekaterina Orekh^{ab}, Olga Boitsova^c*

^aSaint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

^bThe Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

^cPeter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
Saint Petersburg, Russia

Citation: Orekh E., Boitsova O. (2017) Politicheskiye aktory na detskikh risunkakh 1917–1918 gg.: sotsiologicheskaya refleksiya (na osnove kollektsii V.S. Voronova iz fondov GIM). [Political actors in children's drawings of 1917–1918: Sociological reflection (Based on Vasily Voronov's Collection from the State Historical Museum)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(4): 185–209 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.10>

Abstract. The paper is based on an analysis of a collection of children's drawings created by male students of elementary classes of Moscow schools in 1917–1918, which were collected by the teacher of graphic arts Vasily Voronov and are stored at the State Historical Museum. The paper contains a reflection on the possibilities of studying drawings as a source of sociological information by presenting a research of the problems of children's political socialization based on the content of images. The iconographic analysis of political characters represented in children's drawings allows to make assumptions on the political socialization of elementary school children during the period of great social transformations of 1917–1918, as well as draw conclusions about sources which influenced the development of children's political consciousness. Images of the Bolsheviks were chosen for the analysis. In the study, representation of the Bolsheviks in the visual culture of that time was characterized and iconographic features of the Bolsheviks were identified, then images

* Corresponding author. E-mail: ek.orech@mail.ru

of the Bolsheviks represented in children's drawings were analyzed in the same way, and in the next stage the results were compared. The analysis indicates that stereotypes from such means of visual propaganda of the epoch as satirical illustrated magazines and humorous postcards were reflected in children's art. The drawings prove that some children displayed political consciousness, expressed in the notions of «the other» / «enemy», which is revealed by simultaneous presence of several iconographic markers with negative connotations in a drawing. The political consciousness allows us to speak about the beginning of the process of political socialization at the elementary school age already in the period of large-scale socio-cultural transformation of 1917–1918 in Russia. We have also demonstrated that the political socialization of children during the revolution and the beginning of the civil war was characterized by reduction of the traditional influence of family and school institutions on this process, which, it is shown, was compensated to a certain extent by the influence of means of visual propaganda.

Keywords: visual analysis, satirical journals, children's drawings, political socialization, image, iconography, the Civil War in Russia

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-83-01003 «The Civil War in Russia in the images of visual propaganda: a reference book».

References

- Abendschön S. (2015) Children's political learning in primary school — evidence from Germany. *Education 3–13*, 45(4): 450–461. DOI: 10.1080/03004279.2015.1115115.
- Abendschön S., Tausendpfund M. (2017) Political Knowledge of Children and the Role of Sociostructural Factors. *American Behavioral Scientist*, 61(2): 204–221. DOI: 10.1177/0002764216689122.
- Aksenov V. (2002) *Povsednevnyaya zhizn Petrograda i Moskvy v 1917 godu* [Everyday Life of Petrograd and Moscow in 1917]: Diss. ... kand. ist. nauk. M. (in Russian).
- Aksenov V. (2017) Zhurnalnaya karikatura kak zerkalo obshchestvennykh nastroyeniy v 1917 godu [Caricature from magazines as a mirror of social attitudes]. *Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya»*, 1: 4–16 (in Russian).
- Alon-Tirosh M., Hadar-Shoval D. (2016) Leadership and identity politics on the eve of the Israeli 2015 elections: children's perspectives. *Israel Affairs*, 22(3–4): 697–710. DOI: 10.1080/13537121.2016.1174372.
- Alwin D.F., Krosnick J.A. (1991) Aging, Cohorts and the Stability of Sociopolitical Orientations over the Life Span. *American Journal of Sociology*, 97(1): 169–195.
- Arnheim R. (2007) *Iskusstvo i vizualnoe vospriyatie* [Art and Visual Perception]. M.: Arkhitektura.
- Balashov E.M. (1999) Rossiyskie revolyutsii i shkolnik [The Russian revolutions and a schoolchild]. *Istoriik i revolyutsiya* [Historian and Revolution]. SPb.: Dmitriy Bulanin: 61–68 (in Russian).
- Bar-Tal D., Diamond A.H., Nasie M. (2017) Political socialization of young children in intractable conflicts: Conception and evidence. *International Journal of Behavioral Development*, 41(3): 415–425. DOI: 10.1177/0165025416652508.

Berger P.L., Luckmann T. (1995) *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. M.: Academia-Tsentr; Medium (in Russian).

Bogdanov I. (2007) *Dym otechestva, ili Kratkaya istoriya tabakokureniya* [Smoke of Motherland, or A Brief History of Smoking]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Bruner J. (2008) *Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoy informatsii* [Beyond the Information Given: Studies in the Psychology of Knowing]. M.: Direktmedia Publishing (in Russian).

Coles R. (1986) *The Political Life of Children*. Boston: Atlantic Monthly Press.

Connell R.W. (1971) *The Child's Construction of Politics*. Melbourne: Melbourne University Press.

Connell R.W. (1972) Political socialisation in the American family: The evidence re-examined. *The Public Opinion Quarterly*, 36(3): 323–333.

Danilov S.V. (2012) *Politicheskaya sotsializatsiya shkolnika* [Political Socialization of a Schoolchild]. Ulyanovsk: UIPKPRO (in Russian).

Deti russkoy emigratsii [Children of the Russian Emigration]. (1997) M.: Terra (in Russian).

Deti emigratsii: Vospominaniya [Children of Emigration. Memoirs]. (2001) M.: Agraf (in Russian).

Dileo J.H. (2009) *Detskiy risunok: diagnostika i interpretatsiya* [Children Drawings as Diagnostic Aids]. M.: Aprel Press, Psikhoterapiya (in Russian).

Diligenskiy G.G. (1994) *Sotsialno-politicheskaya psikhologiya* [Socio-political Psychology]. M.: Nauka (in Russian).

Easton D., Dennis J. (1969) *Children and the Political System*. New York: Wiley.

Filippov A.F. (2000) Karl Shmitt. Rastsvet i katastrofa [Carl Schmitt. Blossom and Catastrophe]. In: Schmitt C. *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. M.: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole: 259–314 (in Russian).

Filippova T.A. 2015. «Vrag vnutrenniy» — «vrag vneshniy». Obrazy revolyutsii 1917 g. v russkoy satiricheskoy zhurnalistike [«Inner enemy» — «outer enemy». Images of the revolution of 1917 in Russian satirical journals]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 6: 90–98 (in Russian).

Furth G. (2002) *The Secret World of Drawing: Healing through Art The Secret World of Drawings: A Jungian Approach to Healing Through Art*. Toronto: Inner City Books.

Golovin N.A., Sibirev V.A. (2001) Deti i vybory v Gosudarstvennuyu Dumu: o formirovaniy bazovykh politicheskikh ustanovok [Children and elections for the State Duma: on formation of basic political attitudes]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 4(4): 118–134 (in Russian).

Goncharova N.N. (sost.) (1987) *Moskva. 1917 god. Risunki detey-ochevidsev sobyitiy. Iz kolleksii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Moscow. 1917. Drawings of Children Eyewitnesses. From the State History Museum Collections]. M.: Sovetskaya Rossiya (in Russian).

Grishina E.A., Mayorova-Shcheglova S.N. (2012) Vizualnyy obraz Rodiny: opyt sotsiologicheskogo sravneniya illyustratsiy uchebnikov i detskikh risunkov [Visual image of Motherland: An attempt of sociological comparison between textbook illustrations and children's drawings]. *Pedagogicheskaya diagnostika* [Pedagogical Diagnostics], 6: 95–105 (in Russian).

Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaya N.A. (2011) *Molodezh Rossii* [Youth of Russia]. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy (in Russian).

Kon I.S. (2003) *Rebenok i obshchestvo* [Child and Society]. M.: Akademiya (in Russian).

Lukyanov E. (2014) Vasilii Sergeevich Voronov i ego kolleksiya detskikh «voennykh» risunkov [Vasilii Sergeevich Voronov and his collection of «war» drawings]. In: Voronov V.S. *Voyna v risunkakh detey* [War in Children's Drawings]. M.: GIM: 3–8 (in Russian).

Lukyanov E. (2017) Revolyutsiya dlya samykh malenikikh: Mitingi, ocheredi i boi na moskovskikh ulitsakh v risunkakh i vospominaniyakh shkolnikov 1917 goda [Revolution for little ones: Rallies, queues and battles in Moscow streets in drawings and memoirs of children of 1917]. In: *Lektsii obrazovatel'nogo proekta Arzamas* [Lectures of the Arzamas Educational Project] [<http://arzamas.academy/materials/1262>] (available at 25.10.17) (in Russian).

Matthews J. (2003) *Drawing and Painting: Children and visual representation*. L.: Sage.

Meirick P.C., Wackman D.B. (2004) Kids voting and political knowledge: Narrowing gaps, informing votes. *Social Science Quarterly*, 85 (5): 1161–1177.

Mikhaylovskiy A.V. (2008) Borba za Karla Shmitta. K retseptsii i aktualnosti ponyatiya politicheskogo [Fight for Carl Schmitt. Towards reception of the concept of the political]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 9: 158–171 (in Russian).

Mouffe C. (2005) *On the Political*. L.; New York: Routledge.

Neundorf A., Niemi R. (2014) Beyond political socialization: New approaches in age, period, cohort analysis. *Electoral Studies*, 33(1): 1–6. DOI: 10.1016/j.electstud.2013.06.012.

Neundorf A., Smets K. (2017) Political Socialization: The making of citizens. *Oxford Handbooks Online*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935307.013.98.

Oberhauser T. (2002) *Politische Sozialisation in der BRD und DDR — ein Vergleich*. München: GRIN Verlag.

Ojedaa C., Hatemia P.K. (2015) Accounting for the Child in the Transmission of Party Identification. *American Sociological Review*, 80(6): 1150–1174. DOI: 10.1177/0003122415606101.

Osorina M.V. (2010) Risovannyye istorii v izobrazitel'nom tvorchestve detey i ikh zritelskom opyte [Pictorial stories in the visual art of children and their viewer's experience]. In: *Russkiy komiks* [Russian Comics]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie: 107–170 (in Russian).

Panofsky E. (1955) Iconography and Iconology: An Introduction to the Study of Renaissance Art. In: Panofsky E. *Meaning in the Visual Arts: Papers in and on Art History*. Garden City, NY: Doubleday: 26–54.

Petrusheva L. (1997) «Vse, chto pridetsya perezhit, budet nichtozhno po sravneniyu s perezhitym». Shkolnye sochineniya 1923–1924 gg. [«All things that will be lived through are nothing compared to those already lived through». School essays of 1923–1924]. *Istochnik* [Source], 4: 13–33 (in Russian).

Pettifor H. (2012) Do parents affect the early political prioritisation of nature in their children? *ISER Working Paper Series*, 2012-11.

Poznanskiy N. (1923) Revolyutsiya i deti [Revolution and children]. *Vestnik prosveshcheniya* [Messenger of Education], 1: 116–128 (in Russian).

R.G. (1917) Iz zhizni sredney shkoly [From the life of secondary school]. *Vestnik vospitaniya* [Messenger of Upbringing], 8–9: 23–54 (in Russian).

Salnikova A. (2002) «Geenna ognennaya»: detskoe vospriyatie rannego sovetskogo perioda [«The Gehenna of Fire»: The children perceptions of the early Soviet period]. *Ab Imperio*, 3: 322–352 (in Russian).

Salnikova A. (2004) «Detskiy» tekst i detskaya pamyat v «epokhu katastrof» [«Children's» text and children's memory in the «epoch of catastrophes»]. In: *Vek pamyati, pamyat veka: opyt*

obrashcheniya s proshlym v XX stoletii [The Century of Memory, the Memory of Century: Treating the Past in the 20th Century]. Chelyabinsk: 413–430 (in Russian).

Savin N. (2015) Poryvaya s Karlom Shmittom: ponyatie politicheskogo v teorii agonisticheskogo plyuralizma [Breaking with Carl Schmitt: Concept of the political in the theory of agonistic pluralism]. *Logos*, 25(6): 163–179 (in Russian).

Shcheglov I.A. (2007) *Politicheskaya sotsializatsiya. Teoriya i metodologiya problem* [Political Socialization. Theory and Methodology of the Problem]. M.: MGTU im. N.E. Baumana (in Russian).

Schmitt C. (1933) *Der Begriff des Politischen*. 3. Aufl. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.

Schutz A. (2004) *Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: World Shining with Meaning]. M.: ROSSPEN (in Russian).

Semenova V. (2009) Kartirovanie gorodskogo prostranstva: osnovnye podkhody k vizualnomu analizu [Mapping urban space: Basic approaches to visual analysis]. In: *Vizualnaya antropologiya: gorodskie karty pamyati* [Visual Anthropology: Urban Maps of Memory]. M.: TsSPGI: 67–81 (in Russian).

Shestopal E.B. (1988) *Lichnost i politika: Kriticheskiy ocherk sovremennykh zapadnykh kontseptsiy politicheskoy sotsializatsii* [Person and Politics: Critical Review of Contemporary Western Conceptions of Political Socialization]. M.: Mysl (in Russian).

Shestopal E.B. (2005) Politicheskaya sotsializatsiya i resotsializatsiya v sovremennoy Rossii [Political socialization and re-socialization in contemporary Russia]. *Politiya*, 4: 48–69 (in Russian).

Starr M.E. (1984) The Marlboro man: Cigarette smoking and masculinity in America. *Journal of Popular Culture*, 17(4): 45–57.

Van Deth J.W., Abendschön S., Vollmar M. (2011) Children and politics: An empirical reassessment of early political socialization. *Political Psychology*, 32(1): 147–174. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2010.00798.x

Verhulst B., Eaves L.J., Hatemi P.K. (2012) Correlation not Causation: The Relationship between Personality Traits and Political Ideologies. *American Journal of Political Science*, 56(1): 34–51. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2011.00568.x.

Voronov V. (1927) Fevral'skaya revolyutsiya v detskikh risunkakh [The February revolution in children's drawings]. Manuscript. VMDPNI. Archive. Fond 4. KP 23249/505.

Voronov V. (1927) Fevral'skaya revolyutsiya v detskikh zapisyakh [The February revolution in children's notes]. *Vestnik prosveshcheniya* [Messenger of Education], 3: 3–11 (in Russian).

Voronov V. (1927) Oktyabr'skaya revolyutsiya v detskikh zapisyakh [The October revolution in children's notes]. *Vestnik prosveshcheniya* [Messenger of Education], 12: 3–12 (in Russian).

Voronov V.S. (2014) *Voyna v risunkakh detey* [War in Children's Drawings]. M.: GIM (in Russian).

Zimin I.V. (2011) *Vzroslyy mir imperatorskikh rezidentsiy, vtoraya chetvert XIX — nachalo XX v.: povsednevnyaya zhizn rossiyskogo imperatorskogo dvora* [Adult World of Imperial Residences, Second Half of the 19th Century and Early 20th Century: Everyday Life of the Russian Imperial Court]. M.; SPb: Tsentrpoligraf Russkaya troyka-SPb (in Russian).